

дательством (все нормальные люди в эти дни отдыхали), я принялся ее переводить. Праздники закончились — «Апельсины» лежали на столе редактора. Перевод приняли, он вышел на македонском языке, быть может, быстрее всех других переводов и оставил свой след.

Разумеется, иначе обстоит дело с переводом романа «Война и мир». Здесь нужны не только вдохновение, но и упорство, длительный разбег (одной любви с первого взгляда мало), изучение, которое длится годы, подобно намерению переплыть океан.

Пока все спят, ты пытаешься подчинить себе необъятное пространство и время, настолько необъятное, что оно почти поглощает всего тебя, но теряешь и ориентацию, и нужные слова; тебя охватывает чувство бесконечности, подобное судьбе. В работе над переводом романа Толстого я пришел к интересным для себя открытиям в связи с его стилем. Стилль Толстого, такой легкий для чтения, при переводе вызывает непредвиденные осложнения, которые в то же время делают более близким и осязаемым мастерство художника. Это знаменитые периоды Толстого, смены тональности, которые и образуют самобытную партитуру романа-колосса. Для меня как читателя она оставалась неизведанной. Как переводчику — принесла огромный и вдохновенный труд. Великий писатель завершает часть или главу романа в одном неповторимом ритме, а затем появляется совсем другой внутренний ритм — глубины словесного выражения неисчерпаемы; этим новым ритмом начинается новая глава, новая часть. А внешне, кажется, ничто не изменилось. И пока ты старался овладеть этим только что возник-

шим ритмом, пока ты бился над ним, следующая страница вновь готовит тебе похожую или еще более глубокую пропасть. Чтобы передать ритм, избранный писателем, требуется огромное упорство и выдержка, нельзя идти по легкому пути. Читатель постигает кризис Пьера Безухова, его самоанализ, глубоко скрытую человеческую драму, столкновение идеалов и действительности, а выражено все это тончайшими нюансами богатейшей палитры красок. Но спросите, как чувствует себя переводчик перед этой стихией, которая грозит поглотить его или отбросить, перед силой, которая ни на йоту не может быть смягчена, а должна оставаться сама собой!

Вот почему, подходя к труду переводчика с этой меркой, берясь за каждый новый перевод, я всегда вновь и вновь испытываю трепет, не меньший, чем перед выходом в свет собственного произведения. В этом я вижу благородство переводческого труда. Если он успешен, значит, успешным оказалось твое незаметное посредничество между писателем и читателем, между одним и другим языком, посредничество, которое часто обходит молчанием, ибо оно, на первый взгляд, несущественно. Но приятно сознавать, что без твоего участия Толстой не вошел бы в сознание молодого человека твоей страны и это место в «менделеевской таблице» культуры Македонии осталось бы незаполненным, что было бы непростительным упущением. Нам дороги и Толстой, и Шолохов, и Леонов, и Достоевский, и Бабель. Вот как я представляю себе назначение переводчика в наши дни. И надеюсь, что мой опыт в этой области был плодотворным.

МИРИАМ МОРТОН (США)

«ИСПОВЕДЬ» ПЕРЕВОДЧИКА

Профессию переводчика — со всеми ее успехами и неудачами — я избрала совершенно неожиданно. Ни образование, ни последующая затем работа вовсе не толкали меня на путь перевода. Сначала я работала в приюте для сирот, затем преподавала в школе ясельных воспитателей, а позже, обзаведясь семьей, стала редактировать труды по детской психологии и социологии. Иногда, правда, прочитав талантливый перевод с русского, я чувствовала, как где-то в глубине души вдруг возникает смутная надежда, что и мне представится возможность выразить свою любовь к русской литературе, и я переведу на английский язык какую-нибудь хорошую книгу.

Но проходили годы — годы, заполненные делами и обязанностями, даже отдаленно не связанными с литературой. А потом, в один знаменательный вечер 1961 года, я попала на лекцию преподавателя детской литературы Калифорнийского университета в Лос-

Анджелесе. Профессор Фрэнсис Кларк Сэйерс только что вернулась после месячного пребывания в Советском Союзе, где она посещала библиотеки и детские литературные кружки. И привезла с собой около двух сотен детских книг советских писателей, которые подарила Специальному коллекционному отделу университетской библиотеки. Часть этих книг она раздала для обозрения прямо с кафедры, во время лекции. Профессор Сэйерс рассказала аудитории о постановке дела в детских библиотеках СССР и о детях, с которыми она встречалась. И то и другое произвело на нее огромное впечатление.

С особым энтузиазмом говорила она о советских подростках, о том, как они необыкновенно приветливы со взрослыми и

СЛОВО — ПЕРЕВОДЧИКАМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

очень естественны, что абсолютно не свойственно американским детям XX столетия; они многим интересуются, многого стремятся достичь, горячо желают работать на благо общества и вообще чрезвычайно обаятельны! К сожалению, она не могла остаться на более долгий срок, изучить и понять, что же делает советского ребенка столь гармоничным и ярким. Она была увлечена, восхищена, и ее рассказы совершенно покорили меня.

И я решила, что пока у меня нет возможности самой съездить в Советский Союз и на месте разобраться, что же делает советских детей такими привлекательными, я должна поискать ответ, хотя бы частичный, в книгах, которые эти дети читают. Я едва дождалась дня, когда смогла отправиться в университетскую библиотеку и углубиться в литературу, привезенную Фрэнсис Кларк Сэйерс. Много, очень много лет прошло с тех пор, как я, девочка, родившаяся в России, испытывала радость от чтения русской книги. И теперь какое это было наслаждение держать ее в руках, перелистывать, читать и приобщаться к человеческим идеалам, искусству, сильным, искренним чувствам, к веселью и юмору советских повестей для юного читателя. Восхитительное открытие духовного мира советского ребенка одновременно явилось для меня волнующим возвращением назад, в детство, проведенное в России. И я снова и снова бралась за эти книги, пока не прочла их все.

Во время чтения мне бросился в глаза многократные упоминания имени Корнея Чуковского и его «От двух до пяти». Это так меня заинтересовало, что я принялась разыскивать книгу Чуковского. Мне повезло: удалось найти минское издание 1959 года, и я немедленно взялась за перевод. Я была абсолютно убеждена, что это мудрое и оригинальное исследование сознания дошкольников непременно должно стать достоянием народов, говорящих на английском языке. В октябре 1963 года книга в моем переводе была опубликована в издании Калифорнийского университета. Она и сейчас продолжает выходить — в дорогих изданиях и дешевым, массовым тиражом. Ее по-прежнему широко используют в учебных курсах по воспитанию дошкольников и по библиотечному делу, в лекциях по детской психологии и в детской литературе. Мало того. Ее читают сотни учителей, писателей, библиотекарей и родителей в Соединенных Штатах, в Канаде, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии.

Об этом моем первом шаге на поприще перевода я могу говорить бесконечно, но мне еще нужно рассказать о своей дальнейшей работе в качестве переводчика, и потому я только добавлю, что Корней Чуковский остался очень доволен моим переводом. День, когда я получила его добрый отзыв и экземпляр книги в подарок (в более позднем издании), был для меня воистину счастливым днем, особенно когда я прочитала написанные им теплые слова об «отличном переводе» его прозы.

Рут Хилл Вигерс, редактор журнала «Хорн бук мэгззин» (американский вариант вашей

«Детской литературы»), в своей рецензии на книгу Чуковского высказала мнение большинства читателей. Она пишет: «В нашей стране распространение среди библиотекарей, педагогов, родителей, писателей и издателей идей этого замечательного человека может вызвать в области детской литературы революцию, равную по значению той, что происходит в области науки и образования». В 1964 году Американская ассоциация по проблемам воспитания признала перевод книги «От двух до пяти» одной из лучших книг года.

Вскоре после выхода ее в свет в журнале «Нью-Йорк таймс бук ревью» (июнь, 1964) появилась статья о советской литературе для детей. Она была составлена в форме двадцати вопросов и ответов и в качестве иллюстрации включала рисунок из книги Чуковского. Эта статья подтвердила, что опубликование английского перевода книги «От двух до пяти» в США способствовало росту интереса к детской литературе Советского Союза. Прочитав статью, я немедленно позвонила в издательство Калифорнийского университета и предложила им составить антологию советской литературы для детей. Через два с половиной года после этого звонка — в октябре 1967 года — из печати вышел мой сборник лучших советских произведений для детей («A Harvest of Russian Children's Literature»). В него вошло 100 произведений: 53 из них принадлежат перу дореволюционных писателей, 47 — перу советских. В книге — 100 иллюстраций. Там, где возможно, я использовала переводы, сделанные в Советском Союзе, но больше половины произведений переведено мною. Ассоциация американских библиотек признала антологию «замечательной книгой», а журнал «Скул лайбрани» — «выдающейся книгой года». Одобрительную оценку дала в своей рецензии Анна Пелловская — директор Центра ЮНЕСКО по изучению детской культуры: «Эта книга должна стать обязательным пособием педагога... и каждого библиотекаря, который когда-либо пытался удовлетворить интерес детей к литературе о России. Эта антология может оказаться куда более эффективным источником при изучении Советского Союза, нежели почти все доступные нам учебные пособия». Судя по замечаниям учителей и библиотекарей, они разделяют точку зрения А. Пелловской на возможность использования антологии в этих целях.

Сотрудник главной детской библиотеки одного из университетских городов говорил мне, что у них эта книга зачитана буквально до дыр — так много школьников использовали ее для докладов о жизни Советского Союза.

В антологию вошли произведения таких советских писателей, как Чуковский, Блок, Горький, Паустовский, Носов, Лагин, Касиль, Катаев, Шолохов, Полевой, Пришвин, А. Толстой, Маршак, Барто, Михалков, Олеша и многие другие.

После этой антологии в США появилось не менее двадцати подобных книг, в том числе и мои переводы рассказов Шолохова «Жеребенок», «Нахаленок» и «Судьба че-

ловека» под общим названием «Жестокие и добрые войны» (1967), а также трогательная повесть Семена Розенфельда «Первая песня» — о музыкально одаренном мальчике, пережившем бурные дни революционной Одессы 1905 года. Рассказы Шолохова получили премию на Весеннем книжном фестивале 1968 года, организованном журналом «Бук уик». Составленная мною антология и книги, постепенно выходившие после нее, дали возможность англоязычным народам познакомиться с наиболее интересными образцами советской литературы для детей. Возрос также интерес к тем произведениям русских классиков, которые читают советские дети. Я, например, перевела девять рассказов Чехова и 22 сказки для самых маленьких Льва Толстого. Кроме того, в США изданы все сказки Пушкина и сборник басен Крылова.

Обидно, что среди книг для юношества все еще нет повестей Гайдара, Катаева, стихов Маяковского. Но и по сей день чрезвычайно трудно заинтересовать американских издателей и библиотекарей теми советскими произведениями для детей, в которых отражена социальная борьба. В таких случаях не помогают ни художественные достоинства, ни гуманистические идеалы, ни правда жизни, воплощенные в этих книгах; их отвергают из-за идейного и политического содержания. Но будем надеяться, что настанет день, когда все эти соображения останутся в далеком прошлом.

Можно с уверенностью сказать, что и маленькие американцы, и дети других англоязычных стран с пониманием и сочувствием относятся к жизни, чаяниям, горестям и радостям своих русских сверстников, о которых они узнают из произведений советских авторов. При чтении курса мировой литературы, после того как преподаватель предложил аудитории прочитать три военных рассказа Шолохова в моем переводе (вышеупомянутый сборник «Жестокие и добрые войны»), некоторые студенты уже не расставались с этой книгой, ибо, по словам одного из них, «писатель рассказал в ней столько прекрасного о любви людей друг к другу»...

Я читала свои переводы многим школьникам. Их реакция неизменно вызывала чувство глубокого удовлетворения. После чтения «Муму» Тургенева в группе двенадцатилетних школьников наступила взволнованная тишина, а затем последовал взрыв негодования против жестокого обращения с немым крепостным и его несчастной собакой. Чтение «Тараканища» дошкольникам закончилось под всеобщий вопль восторга по поводу бесславной кончины учителя. И после каждого из таких чтений ко мне подходили дети и с гордостью сообщали, что их деды или прадеды родились в России. Дети, которые обычно немного стеснялись, а порой даже стыдились, что их близкие — выходцы из чужой страны, теперь, после восторга и волнения, испытанных при чтении русского рассказа или стихов, отбрасывали предрассудки и гордо сообщали, что их предки родом из России. И порой со свойственной детям бесхитрост-

ностью просили, чтобы я перевела на русский язык их американские имена.

Кроме русского языка, который я не знала, несмотря на то что была увезена в Америку еще ребенком (в 1921 году из Бессарабии, входившей тогда в состав Румынии), я владею также французским. Вот почему, испытав глубокое чувство удовлетворения от переводов с русского языка, я попробовала переводить для юношества и произведения выдающихся французских писателей.

Но интерес мой к русской литературе не уменьшился. Я снова вернулась к переводам с русского. На этот раз я составила сборник, куда вошло 90 стихотворений советских детей и подростков. Он был опубликован под названием «Луна как серебряный серп». Сейчас находится в печати книга Маршака «Детки в клетке» в моем переводе.

Собирая материал в Советском Союзе для антологии русской литературы для детей и сборника юношеской поэзии, я заинтересовалась эстетическим воспитанием советских ребят, которое осуществляется с помощью детского театра, литературы, музыки, танцев и изобразительного искусства. Чрезвычайно привлекательной представляется мне также система кружков, существующих в пионерской организации. Я еще несколько раз ездила в СССР, и в результате мною были написаны две книги — «Искусство и советский ребенок» для взрослых, а для детей «Развлечения и дворцы» — о занятиях в кружках, художественных и естественнонаучных.

Я хочу снова вернуться к трудной, но благодарной работе переводчика, ибо существует множество советских художественных произведений и книг о советской культуре, которые я была бы счастлива представить на английском языке. Эти книги должны стать достоянием тысяч и тысяч читателей, чтобы обогатить и сделать их умы и сердца более восприимчивыми к надеждам на доброе содружество и всеобщий мир, к идее единой земли и единого человечества. Занимаясь переводом, я стараюсь не «грешить», не искажать ни произведения художника, ни его представлений об искусстве. Но ведь я не только переводчик, но и человек и потому не могу избежать ошибок. Однако я стараюсь как могу.

Если же вернуться к тому, что побудило меня взяться за перевод с русского — я говорю о желании понять, отчего советские дети так привлекательны, — то я давно убедилась, что в этом большая заслуга чудесной русской и советской литературы. Я поняла также, что необычайная любовь советских детей к чтению в свою очередь заставляет писателей создавать все новые книги для маленького читателя. Как сказал Самуил Маршак: «Талантливый писатель нуждается в талантливом читателе».

Это относится и к талантливому переводчику...

СЛОВО — ПЕРЕВОДЧИКАМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ